

Китайская Народная Республика: 60 лет партийно-политических преобразований. КПК и КПСС — некоторые направления сравнительного анализа

© 2009

Н. Мамаева

Статья посвящена изучению партийно-политической составляющей процесса модернизации Китая. Первостепенное внимание обращается на непрерывность политического процесса, на его исторические корни и особенности развития в течение 60 лет существования КНР. Сравнительный анализ деятельности КПК и КПСС по ряду аспектов демонстрирует "упущенные возможности" КПСС, не проявившей стремления к адаптации к новым условиям.

Ключевые слова: политический процесс, роль партии, партия и государство, конфликт интересов, политическое участие, политические реформы

Современникам событий, как правило, трудно оценить смысл и значение того этапа истории, который разворачивается на их глазах. Поэтому, рассматривая политическую сторону процесса модернизации Китая, вступившего в новую фазу с 1949 г., мы обращаем первостепенное внимание на преемственность политического процесса, на его исторические корни и результаты развития в течение 60 лет существования КНР.

Немаловажное влияние на функционирование политической системы и государственной структуры периода реформ и открытости оказали политические традиции **этапа партийно-политического строительства 1950—1970-х гг.** Длительный революционный опыт КПК (20—40-е годы XX в.) предопределил перенесение в политическую практику Нового Китая военно-революционных методов, применявшихся Компартией Китая в "освобожденных районах" страны в 1930—1940-е гг. Эмоциональный накал, сопровождавший противостояние Компартии и Гоминьдана, сохранялся в политической деятельности Компартии Китая длительное время и после победы революции в 1949 г. Отрицая негативный опыт Гоминьдана в государственном строительстве, Компартия по ряду направлений отказалась и от полезного опыта, накопленного в Китайской Республике, в частности, в области права. Так, был отменен официальный Свод законов Китайской Республики ("Люфа цюаньшу"), в том числе раздел о конституционном, гра-

жданском, гражданско-процессуальном, уголовном, уголовно-процессуальном, административном праве¹. Так или иначе, в “самостоятельное плавание” Компартия вступала, имея богатый опыт партийного строительства революционного периода и весьма недостаточные навыки управления страной. Трудности усугублялись тем обстоятельством, что новое политическое и государственное строительство начиналось на базе находившейся в весьма плачевном состоянии системы управления гоминьдановского Китая.

Преемственность политических институтов старого и нового Китая иллюстрировалась, помимо всего прочего, укоренившимися в политическом сознании авторитарными методами управления страной, включая, например, практику прямого подчинения государственных структур Центральному исполнительному комитету Гоминьдана².

Влияние традиционных институтов, практики КПК в освобожденных районах, как и политико-государственный опыт СССР, наложили сильный отпечаток на партийно-политическое развитие и государственное строительство в КНР.

Вплоть до принятия Конституции в 1954 г. партия в государственном и политическом строительстве опиралась на решения Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК). Пройдя через ряд реорганизаций, в преддверии победы демократической революции он выступил в роли органа представительной власти, обеспечил правовой характер провозглашения КНР, определил основные контуры властных структур. Принятая 1-й сессией НПКСК (29 сентября 1949 г.) Общая программа НПКСК, выполнявшая вплоть до 1954 г. функции временной Конституции КНР, определяла “систему государственной власти новой демократии” в рамках развития системы советского типа. На эту направленность особое внимание обращал Чжоу Эньлай, возглавлявший работу подготовительного комитета по разработке Общей программы НПКСК³.

Тенденция построения государственного строя по “советскому образцу” сочеталась с политической практикой, характеризовавшейся китайской спецификой. Речь идет, прежде всего, о значимости военного фактора в политической системе страны. На передние рубежи в механизме управления страной в начале 1950-х гг. выдвинулись военно-политические органы, особенно на уровне провинций. Характерной чертой управленческого механизма в “восстановительный период” являлся военный контроль и прямое военное правление в форме военно-административных комитетов, военных представителей в хозяйственных единицах и других учреждениях и т.д. Они функционировали параллельно, либо подменяли местные народные правительства, формировавшиеся на основе принятого сессией ВСНП Закона об организации Центрального народного правительства⁴.

С позиции сегодняшнего дня понятно негативное влияние несовершенства правовой сферы на функционирование политических институтов и государственной структуры КНР. В этой связи подчеркнем значение первой Конституции КНР в деле построения новой государственности. Она получила высокую оценку в современной научной литературе КНР. Особое внимание обращается на помощь в подготовке кадров и влияние юридической науки СССР на формирование отраслей китайского права⁵. Тем не менее, положительный эффект от новой Конституции не получил должного закрепления и развития. И хотя с принятием Основного закона КНР были заложены конституционные основы функционирования государственных органов и общества (утвержденная Конституцией 1954 г. структура государственных органов сохранилась до сих пор. — *Авт.*), однако в целом положение с законностью в стране было крайне неудовлетворительным.

Тому было много причин, связанных, прежде всего, с сохранением в обществе нигилистических тенденций по отношению к праву и законности, уходящих корнями в период Старого Китая. Несмотря на определенные успехи гоминьдановского правительства в области правового строительства, реальные результаты в деле модернизации правовой системы гоминьдановского Китая оказались ограниченными. Общественные отношения в КНР, как и в дореволюционном Китае, по-прежнему в значительной степени регулировались обычным правом и местными обычаями. И хотя Конституция 1954 г. отражала потенциальные возможности развития гражданского права, однако в 1950—1970-е гг. оно так и не сложилось в полноценную правовую отрасль⁶.

Проблема становления законности и правопорядка была поставлена на VIII съезде партии (1956 г.) в Политическом отчете ЦК КПК, с которым от имени ЦК КПК выступил Лю Шаоци⁷. На срочную необходимость принятия сравнительно полных правовых актов, таких как Уголовный и Уголовно-процессуальный, Трудовой кодексы, обращал внимание председатель Верховного народного суда Дун Биу⁸. Он предупреждал о возможных тяжелых последствиях бездействия в этой области, которые, как свидетельствует история, не заставили себя ждать. Именно с отсутствием правового регулирования политической жизни и с несовершенством системы законности связывал позднее Дэн Сяопин начало “культурной революции”⁹, отбросившей Китай на десятилетия назад.

После принятия Конституции военно-административные и военно-контрольные органы власти постепенно сходили с авансены, предоставляя место законным органам власти и управления. Немалая угроза становлению нового государства исходила со стороны “трех зол”: коррупции, расточительства и бюрократизма, представлявших традиционную “ахиллесову пяту” политических режимов старого и нового Китая. Политические традиции и ограниченные возможности правящей партии, только что вышедшей из горнила гражданской войны с Гоминьданом, создавали для КПК препятствия в области государственного и политического строительства.

В силу объективных и субъективных причин центр тяжести в борьбе с негативными тенденциями находился в области “политических кампаний”. Это обстоятельство вновь усиливало военно-командный стиль партийно-политического руководства, пришедший из практики в “освобожденных районах” и уже не вполне соответствовавший новым задачам созидания.

Компартия Китая, пережив трудный период революционной борьбы и в целом справившись с задачами социалистической индустриализации, между тем, явно опаздывала с разрешением проблемных вопросов партийного строительства. В 1950-е гг. имели место грубые нарушения норм партийной жизни, не соблюдались многие положения Устава 1945 г. В условиях мирного времени требовалось смягчить военно-командный стиль взаимоотношений в партии, ввести более демократические правила внутрипартийной жизни, вместе с тем, создать правила контроля за деятельностью управленцев и т.д. При этом необходимо было учитывать изменившийся социальный состав КПК, склонность руководителей к “правовому нигилизму”; следовало скорректировать правила приема в КПК, регулировать накал внутрипартийной борьбы. Бурный рост КПК в период между VII и VIII съездами требовал усиления идейно-воспитательной работы¹⁰. Значительно снижал эффективность партийной работы и государственного строительства низкий уровень образованности членов партии. По данным на май 1949 г. 61% членов партии были неграмотными, более 13% малограмотными, около 20%

окончили только низшую ступень начальной школы¹¹. Все эти факты наглядно демонстрируют наличие колоссальных трудностей у КПК 1950-х гг. в осуществлении руководящей функции даже при самом благоприятном стечении обстоятельств.

Отсутствие опыта в области функционирования системы управления, наряду с другими факторами — социально-экономическими трудностями, ростом бюрократизма, правовой незащищенностью — неизбежно проецировались на общее состояние политической системы и уровень государственного строительства.

Формирование государственных органов сопровождалось политикой внедрения коммунистов во все властные структуры. По этому направлению китайское руководство пыталось следовать практике КПСС. Так, уже в ВСНП первого созыва доля членов КПК насчитывала 54,48% от общего состава¹², с годами она неуклонно повышалась и в СНП, и в системе исполнительной власти¹³. Следует признать, что это не всегда было целесообразно в силу ряда обстоятельств, связанных как со спецификой Китая, так и со слабостью партийного строительства. Встраивание Компартии в государственные структуры порою принимало гротескные формы, что в полной мере проявилось в годы “культурной революции”.

С середины 1950-х гг., по мере передачи функций представительной власти от НПКСК к ВСНП постепенно снижалась политическая значимость демократических партий, одновременно возрастала доля членов КПК в государственных органах. Распространялась практика дублирования функций партийных и государственных органов, совмещения партийных и государственных постов, а также должности директора производственной единицы и поста секретаря парткома. Следует отметить, что уровень концентрации партийной и государственной власти на центральном уровне в основных своих чертах можно сравнивать с принципами управления КПСС. Вместе с тем, в СССР на областном уровне и на крупных предприятиях никогда не практиковалось совмещение партийных и государственных постов, а также постов руководителей предприятий и секретарей парткомов¹⁴, что отличало советскую практику от китайской в области управления.

Первые системные попытки становления Компартии как института управления страной и управленческого механизма в целом были предприняты на VIII съезде Компартии Китая (15—27 сентября 1956 г.). Как подчеркивал Дэн Сяопин, “отныне главной задачей будет строительство... В вопросах строительства наша партия в целом может считаться лишь учеником младших классов”¹⁵. Однако, как показала история, в сфере управления партия не смогла сделать решительных прорывов. Последнее обстоятельство стало одной из причин политических зигзагов 1960—1970-х гг. Как позднее анализировал политическую ситуацию Дэн Сяопин, “в партии и в системе управления господствовал “бюрократизм с характерной для него чрезмерной централизацией власти”, а “осуществление единого руководства превратилось — в смешение партийных органов с административными”¹⁶. По сути дела, эта короткая и емкая характеристика вместила основное содержание “перегибов” партийно-политического строительства 1950-х — 1960-х гг.

Уже в те годы было ясно, что опыта и помощи СССР недостаточно для построения системы управления страной, адекватной исторической специфике. Реальные условия требовали специальных подходов и решений в политической сфере.

В создании механизма управления Китаем в 1950-е гг. приобретал первый опыт, который, тем не менее, выявил ряд направлений оптимизации политической системы, востребованных в полной мере лишь в годы “реформ и открытости”. Речь идет о задачах преодоления “нецелесообразного, чрезмерно большого сосредоточения власти в руках Центра”, разделения функций партии и государст-

ва, административных органов и предприятий, развития кадровой политики и создания системы государственных служащих, построения законодательных основ государства и общества¹⁷.

“Культурная революция” (1966—1976 гг.) продемонстрировала сложность перехода от революционного периода к эпохе созидания. Накануне “культурной революции” Китай в целом продолжал испытывать груз бюрократических традиций старого общества. Выдвинутые в преддверии “культурной революции” лозунги “борьбы со злоупотреблениями бюрократии”, формировавшейся в 1950—1960-е гг. из числа функционеров КПК в значительной степени хаотично и бессистемно, имели реальную почву. На фоне экономических трудностей и “неразберихи” в области управления, особенно на местах, достаточно реалистичными выглядели и опасения части руководства Компартии о возможности реставрации государственного строя гоминьдановского Китая и “буржуазного перерождения” части коммунистов. Подогревались радикальные настроения и растущими идеологическими противоречиями между КПК и КПСС. Одним словом, “культурная революция” была тесно связана с предыдущим состоянием всех сфер партийной, экономической и политической жизни страны, равно как и с национальной психологией поиска оптимальной модели ускоренного развития. “Культурная революция” обозначила, с нашей точки зрения, особую значимость для страны создания системы государственной службы и оптимизации управления в целом, которое и в традиционном обществе являлось проблемной областью, а в гоминьдановском Китае стало “камнем преткновения”.

В условиях неразвитой системы права, на фоне которых разворачивалась “культурная революция”, была разрушена конституционная система государственных органов. На уровне административно-территориальных единиц были сформированы новые органы власти—революционные комитеты (ревкомы), соединяющие военную, партийную и административную власть. Эксперимент прямого слияния властей с опорой на армию сопровождался фактически устранением уставных органов КПК. Прекратили свое существование региональные бюро КПК и провинциальные парткомы, за исключением армейских. В Центре функции Политбюро ЦК КПК и Секретариата выполняла Группа по делам культурной революции, затем — Пролетарский штаб по делам культурной революции. Наблюдалось возрождение военного стиля управления, существовавшего в конце народно-освободительной борьбы, новое возвышение власти Военного совета ЦК КПК. Новая политическая структура, зафиксированная в Конституции 1975 г., характеризовалась активным участием армии в государственном управлении и в политической жизни, “огосударствлением” партии, слиянием партийного и государственного аппарата, введением в государственную систему нового госоргана — “ревкомов”¹⁸. Преобладание военных в парткомах, воссоздаваемых с конца 1960-х гг., и сохранение ими руководящих позиций в “ревкомах” создавало угрозу военизации КПК и роста сепаратизма в стране¹⁹.

“Культурная революция” нарушила необходимый уровень внутрипартийного единства и политической стабильности в стране. Вот почему в политическом сознании китайцев впоследствии категория стабильности обрела значение одного из главных критериев адекватности действующей модели развития, предопределила осторожность китайского руководства в вопросах политических преобразований.

Практика “культурной революции” продемонстрировала неэффективность в политическом и государственном строительстве “политических кампаний”, радикальных экспериментов и в целом политики “забегания вперед”.

Незавершенность политического и государственного строительства в период до “культурной революции” и глубина деформации политической системы в период ее проведения поставили Китай на грань системного кризиса. Его преодоление предполагало осуществление принципиальных преобразований в экономике и политической сфере.

Новый этап партийно-политических преобразований открыли решения 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.), ставшего эпохальным для Китая событием. Характерная для социалистических государств тесная взаимосвязь партийных и политических процессов в Китае 1980-х гг. проявилась особенно сильно. Она предопределила ситуацию, в которой вопросы партийного строительства и партийного стиля по существу являлись вопросами политической реформы. Содержание периода партийно-политических преобразований конца 1970—1980-х гг. определялось не просто восстановлением разрушенных в годы “культурной революции” субъектов политической системы и государственной структуры, но и приданием им нового качества.

Отходя от “слепого копирования чужого опыта и чужих моделей”, Китай осуществлял “перестройку руководящего аппарата и реформу хозяйственной системы”. Новая политика ротации кадров, “коллективности руководства”, осуждения “культа личности”, развития внутри- и внепартийной демократии, усиления законности и правопорядка положила начало оздоровлению партии и всей политической системы. Она воспрепятствовала ее стагнации, как это случилось в СССР. В КНР начала 1980-х гг. проблема “культа личности” и коллективности руководства решалась взаимосвязанно, что обеспечило положительный результат.

Осуждение Дэн Сяопином и КПК на XII съезде партии (1982 г.) “культа личности” сопровождалось мерами по упрочению коллективного характера принятия решений. Так, было принято решение о восстановлении Секретариата ЦК КПК, введении поста генерального секретаря и ликвидации поста председателя КПК и его заместителей. С 1982 г. по 1987 г. Секретариат функционировал как основной партийный орган, осуществлявший постоянное руководство между съездами КПК и пленумами ЦК КПК и использовавший в своей работе принцип “коллективности руководства”. Между тем, в СССР осуждение Н.С. Хрущевым “культа личности” И.В. Сталина на XX съезде КПСС в 1956 г. не сопровождалось укреплением принципов коллективности руководства²⁰. В дальнейшем, в 1960—1970-х гг. принципы коллективности руководства в КПСС периодически внедрялись, сложился сложный механизм функционирования власти, который в обычных случаях предполагал тесное взаимодействие многих управленческих институтов — министерств и ведомств, Совмина и его отделов, аппарата ЦК КПСС, Секретариата и Политбюро. Между тем, при принятии решений важного политического значения коллективный принцип нарушался. К примеру, решение о введении советских войск в Афганистан принималось на даче у Брежнева (12 декабря 1979 г.) без согласования и предварительной экспертизы. Это решение принималось на совещании, участниками которого были генеральный секретарь ЦК КПСС Брежнев, председатель КГБ Андропов, министр обороны Устинов, министр иностранных дел Громыко и заведующий общим отделом ЦК Черненко. Принятое решение лишь позже было оформлено как решение Политбюро ЦК КПСС²¹.

Уже в 1980-е гг. в КНР были достигнуты определенные результаты в разделении партийной и государственной власти. Достаточно наглядно эта тенденция представлена в реформировании структуры аппарата ЦК КПК. Принципы организационного строительства ЦК КПК как руководящего центра сложились еще к концу

1950-х гг. и в значительной степени были заимствованы из опыта партийного строительства КПСС. Отделы, комиссии, руководящие группы, кабинеты ЦК КПК, функционировавшие в структуре ЦК КПК до 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, охватывали не только общие направления внутрипартийной и государственной политики, но — параллельно государственным органам — специализировались и на непосредственном управлении конкретными областями: промышленностью, сельским хозяйством, транспортом, финансами и торговлей, наукой и образованием, оборонной промышленностью, капитальным строительством, культурно-просветительской работой и т. д. Причем по данным направлениям в структуре аппарата ЦК КПК параллельно действовала система политотделов, сформированная в 1960-е гг.

На основе выводов из неудачного эксперимента сращивания партийной, административной и военной власти времен “культурной революции”, в структуре аппарата ЦК КПК в первые же годы политики реформ была упразднена специализация по конкретным направлениям производства, науки и техники, ликвидирована громоздкая система политотделов по отраслям народного хозяйства. Вновь прибегая к сравнению КНР и СССР, отметим, что структура аппарата ЦК КПСС даже в конце 1970-х гг. дублировала органы исполнительной, законодательной и судебной властей. Более того, она в деталях отражала систему союзных министерств и ведомств, управлявших промышленностью, сельским хозяйством, культурой и идеологией²². Новая же структура аппарата ЦК КПК определялась тенденцией к сужению сферы непосредственного партийного руководства отраслями народного хозяйства и к развитию контрольных функций партии над работой государственных органов. Усилия партии концентрировались на стратегических направлениях политики развития. В 1980-е гг. процесс передачи управленческих функций государственным органам развивался достаточно интенсивно.

Учреждение в структуре ЦК КПК в январе 1980 г. Политико-юридической комиссии осуществлялось в соответствии с подходами Дэн Сяопина, придававшего большое значение установлению в стране законности и правопорядка. Развитие законодательного процесса и отраслей права постепенно становилось магистральным направлением адаптации политического строя требованиям времени.

Особое место занимала кадровая политика партии²³. Введение в партийный Устав 1982 г. новой главы о кадровых работниках (гл. VI) выдвигало кадровую проблему на передовые рубежи в реформировании системы управления, сложившейся до 1978 г. Разработка кадровой политики в последующие годы все более связывается с необходимостью создания на ее основе механизма смены властей без внедрения института политического плюрализма и конкурентной борьбы различных партий за властные позиции в государстве.

Одна из инноваций в сфере кадровой политики в 1980-х гг. — это создание Центральной и провинциальных комиссий советников. Комиссии сыграли роль механизма передачи властных полномочий, регулировали сроки пребывания руководителей на своих постах, вбирая в свой состав престарелых руководителей, уже не справлявшихся со своей работой. Напряженная работа комиссий советников и комиссий по проверке дисциплины способствовала восстановлению в 1980-е гг. партийной и государственной вертикали, активизации и укреплению управленческого механизма с использованием принципов коллективного руководства, ротации кадров и т. д. Дэн Сяопин считал создание и функционирование в течение 1982—1992 гг. комиссий советников специфической особенностью политической системы КНР.

Постепенно преодолевался негативный исторический опыт в законодательной сфере. Складывался механизм быстрого реагирования политико-право-

вой области на возникавшие в процессе реформ новые проблемы и явления, требовавшие законодательного оформления. Наиболее наглядно этот процесс представлен в практике периодического внесения поправок в Конституцию 1982 г., в 1989, 1993, 1999, 2004 гг. По мере восстановления государственных институтов расширялась законодательная и иная деятельность ВСНП и СНП различных уровней, Госсовета и народных правительств разных уровней, что готовило почву для дальнейшего расширения и углубления политики реформ.

Энергия развития, исходившая от 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва и XII съезда КПК, дала толчок всему процессу экономических и политических преобразований в КНР. Свое логическое оформление в политической сфере она получила на XIII съезде КПК (1987 г.), четко обозначившем место и роль партии как института управления страной, поставившем проблемы взаимодействия внутрипартийного строительства с развитием политического процесса.

XIII съезд КПК сумел выдвинуть в повестку дня принципиально значимые для оптимизации системы управления страной конкретные задачи, которые отразили самые существенные потребности политического режима и не потеряли своей актуальности вплоть до сегодняшнего дня. Отметим некоторые из них:

- совершенствование процедуры разработки и принятия кардинальных решений по важнейшим вопросам партии и государства;
- усиление административного законодательства;
- "нормирование" полномочий партийных комитетов в государственных органах;
- демократизация и оптимизация избирательной системы;
- введение системы общественных консультаций и диалога;
- повышение степени открытости в деятельности руководящих органов;
- развитие кадровой политики и создание системы государственной службы.

Разграничение функций партии и государства, правительства и предприятий предполагалось осуществлять в значительной степени в ходе реформы государственного аппарата, которую Дэн Сяопин включал в общий план политических преобразований.

Значение решений съезда в области политической реформы осознавалось в партийно-политических кругах Китая, как говорится, "чем дальше, тем больше". Даже в начале XXI в. обществоведение и политология КНР в качестве одного из основных критериев оценки тех или иных преобразований в политической сфере называют решения XIII съезда.

Политические процессы, развивавшиеся в течение четверти века в значительной степени под влиянием XIII съезда, продемонстрировали в целом адекватность его подходов потребностям дальнейшего развития. Вместе с тем, оптимизм, заложенный в его решениях, оказался не вполне оправданным. Можно сказать, что программа политических реформ XIII съезда КПК по ряду параметров опередила свое время. По-видимому, было трудно предусмотреть всю глубину и масштаб трудностей на пути партийно-политических преобразований.

Системный подход к реформе политической системы, выдвинутый на съезде, предусматривал долгосрочный характер политических преобразований. На практике разрыв между планами политических преобразований и их реализацией оказался еще глубже. Это обстоятельство можно объяснить многими причинами. Среди них — сложность определения допустимого уровня разделения функций партии и правительства, правительства и предприятий, долгосрочный характер процесса строи-

тельства законодательства, техническая и психологическая неготовность властных структур и населения к исполнению законов и т.д. В области управления произвол чиновников в 1980-х гг. оставался нормой поведения. По некоторым оценкам в 1980-е гг. в обществе выполнялось не более 1/5 принятых законов²⁴.

Если абстрагироваться от западных стереотипов и учитывать в первую очередь китайскую специфику, то можно утверждать, что такие тенденции, как размежевание партийных и государственных функций в области управления страной, усиление коллективности руководства, новая контрольная и кадровая политика, разрушившие закостенелую систему “пожизненного” занятия руководящих постов, формирование системы государственной службы, развитие внутри- и внепартийной демократии, усиление законности, носили характер качественных перемен, обеспечивших возможность дальнейшего развития.

Партийно-политический процесс 1980-х гг. проложил русло эволюционных изменений в политической сфере. Он обеспечил возможность перехода Китая с начала 1990-х гг. к периоду создания основ социалистической рыночной экономики (XIV съезд КПК (1992 г.) и 3-й пленум 14 го созыва (1993 г.)). В этой связи подчеркнем важность и необходимость партийно-политических преобразований 1980-х гг. в общем процессе модернизации страны, роль и место которых в политике развития Китая современной политологией часто недооценивается.

Параллельно с начавшимися в 1980-х гг. преобразованиями наблюдался рост негативных тенденций как в экономике, так и в работе государственных органов, особенно на местах. Начиная с 1984 г. наблюдались явления “перегрева экономики”, диспропорций в развитии народного хозяйства, повышения цен²⁵. На 1987—1989 гг. приходится второй “коррупционный пик” в органах власти и управления. Первый имел место в начале реформ — 1978—1982 гг.²⁶ Обострение социальных противоречий приняло форму движения за “буржуазную либерализацию”, что отражало, с одной стороны, назревшую в обществе потребность в более решительной либерализации экономического курса, с другой стороны, свидетельствовало о необходимости комплексного подхода к формированию механизма управления. По мнению ряда китайских специалистов, в 1980-е гг. превалировала тенденция к разработке партийно-политических преобразований, отсутствовала необходимая координация с изысканиями в экономической сфере, что стало одной из причин массовых протестов.

Трагические события 1989 г. на площади Тяньаньмэнь, поставили Китай на грань утраты стабильности в обществе. В результате партия частично сворачивает курс политических преобразований, но не прерывает всего процесса реформ. Он концентрируется в сферах экономики, кадровой политики, деятельности государственных органов. Развивается тенденция к управлению страной на легитимной основе, вносятся поправки в Конституцию (1993 г., 1999 г.), разрабатываются отрасли права. Сформулированное на XV съезде КПК (1997 г.) понимание реформы политической системы как совершенствования деятельности ее субъектов в рамках сформировавшихся контуров политической системы и государственной структуры, представляется логическим следствием предшествовавшего поступательного развития политического процесса.

С начала 1990-х гг. одновременно с увеличением удельного веса идеологической работы в механизме партийного управления вновь обозначились тенденции к более тесному взаимодействию партии с государственными органами. Они проявлялись в различных формах. В частности, уже в 1989 г. были реанимированы упраздненные, согласно рекомендациям XIII съезда, в ряде министерств и ведомств “партийные

группы руководства”. Полномочия партийных комиссий по проверке дисциплины, вопреки замыслам XIII съезда, не сузились, но, напротив, распространились на государственный уровень. В целом, провозглашенный XIII съездом системный подход к реформированию управленческого механизма, отодвигался на будущее²⁷.

Важное место в политических преобразованиях 1990-х гг. заняла кадровая политика, прежде всего, построение системы государственной службы. Принятые Госсоветом КНР в 1993 г. Временное положение о государственных служащих, а также ряд нормативных актов министерства кадров КНР 1995—1996 гг., регулирующих деятельность госслужащих, были разработаны на основе сочетания традиционных и новых подходов к кадровой политике. Они были весьма своевременными и необходимыми для строительства рыночной экономики, содержали положения, препятствовавшие коррупции. Законоположения предусматривали переход от всеобщего централизованного распределения кадров, характерного для КНР 1950—1970-х гг., к менее централизованной и более современной системе государственной службы со всеми вытекающими из нее особенностями и внутренними правилами.

Тенденция к управлению страной на основе законности и права постепенно включала и области, ранее не имевшие правовой основы, либо регулировавшиеся “одноразовыми” партийными правилами. Регламентация деятельности партийно-государственной номенклатуры в руководящих структурах разрабатывалась параллельно с формированием системы государственной службы, частично переплетаясь с ней, однако, до сего времени сохраняя свою идентичность. Первым важным актом подобного рода стал документ “Временное положение о работе по подбору и назначению на должности руководящих кадровых работников партийных и государственных органов” 1995 г. Его установления распространяли на партийно-государственных чиновников большинство статей “Временного положения о государственных служащих” 1993 г. Это был шаг вперед. Между тем к середине 1990-х гг. правовая основа в области кадровой политики, особенно, в сфере ротации, была подведена лишь для местных властных структур — уездов и ниже. В целом к концу 1990-х гг. сложилась достаточно эффективная кадровая система, что отмечается и западной политологией. Как считают известные немецкие политологи С. Хайльман и С. Кирхбергер, отрегулированная кадровая система (имеется в виду и партийный, и государственный уровни) способствовала преодолению кризисных явлений в экономике, возникших в КНР в период финансового кризиса в Азии²⁸.

Важным этапом включения кадровой политики Компартии Китая в нормативное русло стало принятие и введение в действие в июле 2002 г. нового партийного акта — “Положения о работе по подбору и назначению на должности руководящих кадровых работников партийных и государственных органов”²⁹. Действие этого документа, как и предшествующего, распространяется на руководство рабочих органов или внутренних структур ЦК КПК, ПК ВСНП, Госсовета, ВК НПКСК, ЦКПД, ВНС, ВВП, ПК СНП, правительств, комитетов НПКСК, КПД, народных судов, народных прокуратур и других органов уездного уровня и выше.

Документ демонстрирует более высокую степень открытости партийной политики в одном из важнейших ее направлений. Новая кадровая политика, воплотившаяся в данном партийном документе, в значительной степени способствовала плавному и упорядоченному переходу власти от третьего поколения руководителей КНР к четвертому. Задача создания корпуса управленцев-профессионалов, обладающих политической сознательностью и высокими нравственными качествами, решается путем усиления открытости, постепенного внедрения и расширения демократической процедуры голосования и создания механизма контроля над системой выдвиже-

ния и назначения руководящих кадров³⁰. Новая кадровая политика включала также положения по формированию системы “политического участия” во власти демократических партий и беспартийных, которая продолжает усиливать свою правовую базу в XXI в. Документ встраивал в кадровую политику идеи коллективности руководства и контроля над процессом избрания и назначения руководящих кадров.

Вместе с тем, можно констатировать недостаточность правовой базы “смены созывов” (хуаньцзе), которую в значительной степени “заменяет” устоявшаяся практика договоренностей и “одноразовых” партийных правил, разрабатываемых в ходе процесса подготовки партийных съездов.

Общий фон 1990-х гг. определялся интенсивным законотворческим процессом. С конца 70-х гг. и вплоть до начала 90-х гг. основные усилия в законодательной сфере были сосредоточены на создании крупных пакетов законодательства, таких, как Конституция и ее редакции, Уголовный кодекс (1979 г.), Гражданский процессуальный кодекс (1991 г.), Закон о выборах в ВСНП и местные СНП (1979, 1982, 1986, 1995), Закон о местных СНП и местных народных правительствах (1979, 1982, 1986, 1995 гг.). Законодательные инициативы направлялись, главным образом, на реанимацию и частичную модернизацию государственной структуры, прежде всего ВСНП и СНП, т.е. на самые необходимые для функционирования политического режима области. С начала 1990-х гг. приоритеты в законотворческой сфере претерпели изменения в соответствии с новым курсом правящей партии на развитие социалистической рыночной экономики.

В целом, с 1979 по 2000 гг. ВСНП и ПК ВСНП приняли более 350 законов и постановлений по финансово-экономическим вопросам, собрания народных представителей провинциального уровня и их ПК одобрили 7000 законодательных актов местного значения, различные ведомства Госсовета и исполнительная власть на местах разработали свыше 20 тыс. нормативных актов³¹.

В области развития политических институтов и функционирования государственных органов постепенно уходила в прошлое мелочная опека, смещались акценты в способах управления. Нормально развивающиеся политические институты и регулярные процедуры практически стали определять широкий спектр вопросов текущего процесса управления страной. Правящая партия, формулируя основные направления политической реформы, в частности, направляя и активизируя законотворческий процесс, неизбежно становилась его объектом, ее функции регулировались, а сфера прямого управления государством сужалась.

Продолжались поиски в области соотношения функций партии и государства, включая вопросы совмещения постов. С 1992 г. в опытном порядке вновь вернулись к практике совмещения постов первого секретаря и председателя Постоянного комитета СНП на провинциальном уровне, к практике, которая направлялась к усилению партийного влияния на деятельность СНП в области контроля над исполнительной властью. Эта политика достигла в начале нового века почти 100-процентной реализации. Одновременно была ликвидирована практика совмещения постов первого секретаря парткома и председателя народного правительства. Таким образом, на провинциальном уровне в форме совмещения постов (но не подмены функций. — *Авт.*) имеет место новое сближение партийной и представительной власти при одновременном относительном отделении партийной власти от исполнительной.

Претерпел изменение и общий подход к проблеме размежевания партийной и государственной власти. С середины 1990-х гг. партийный центр не акцентирует проблему разграничения функций партии и правительства, как это имело место, по сути, в течение 1980-х — первой половины 1990-х гг. Центр тяжести в

области размежевания компетенции перемещается в область разделения функций администрации и предприятий. На повестку дня выдвигаются также задачи нормирования функций партийных комитетов, государственных структур, демократических партий, неправительственных и общественных организаций, их взаимосвязей и взаимовлияний, направлений размежевания. Ставится задача урегулирования и создания законодательной основы деятельности субъектов политической системы и государственной структуры. В партийных кругах и в современной политологии КНР изменения в постановке проблемы обозначаются как переход от политики “разделения функций партии и правительства” к политике “упорядочения отношений партии и правительства”³².

Политическое строительство **этапа партийно-политических преобразований с XVI съезда партии (2002 г.) до наших дней** означает, на наш взгляд, новый этап процесса модернизации, суть которого четвертое поколение руководителей КНР выразило формулой перехода от “экономической модернизации” к стратегии построения гармоничного общества на основе научной концепции развития. Теперь поставлена задача сбалансированного осуществления реформ партии, правительства, ВСНП, судебно-прокурорских органов, совершенствования кадровой политики и “юридизации” общества. Осуществляющиеся в XXI в. мероприятия по данным направлениям обнаружили значительные потенции существующей политической системы, вскрыли новые возможности оптимизации деятельности партии, государственных органов, кадровой политики, законодательной деятельности. В области партийной реформы обратим внимание на развитие внутрипартийной демократии, усиление воспитательных и контрольных функций партии, ее усилий в формировании системы контроля над госслужащими, в организации привлечения науки к вопросам управления и к формированию новой системы принятия важных решений с участием демократических партий и беспартийных, так называемой системы “политического участия”. Большинство этих направлений отражено в поправках к уставу КПК на XVI и XVII (2007 г.) съездах партии, в поправках к Конституции 1999 г и 2004 г., в Положениях ЦК КПК о контроле, о дисциплине и других нормативных документах.

Одно из главных направлений работы КПК последнего десятилетия — организация и руководство антикоррупционной борьбой. Эффективность деятельности в этом направлении Центральной партийной комиссии по проверке дисциплины (ЦКПД) и ее отделений на местах заслуживает высокой оценки и получила признание не только в партийной среде, но и у населения страны. Создание в 2007 г. при Госсовете КНР Ассоциации по борьбе с коррупцией как партийно-правительственного органа является важным этапом на этом трудном пути.

Что касается главного органа государственной власти — ВСНП и СНП различных уровней, принимаются нормативные акты и законы, повышающие роль депутатов СНП, расширяющие сферу деятельности ПК ВСНП в направлении организации общественных слушаний, развития консультационной формы работы, обязывающие комитеты ПК ВСНП более активно участвовать в законодательной работе, которая в основном до сих пор инициировалась Госсоветом. Активизируется работа ПК ВСНП с петициями от населения в адрес государственных органов. Стоит выделить Закон КНР об осуществлении контроля постоянными комитетами собраний народных представителей всех уровней, принятый 27 августа 2006 г.³³ Он ввел в нормативные рамки и усилил существующую практику контроля постоянно действующих органов представительных учреждений в отношении административных органов, судов и прокуратур. Установлениями Закона разрабатывает-

ся система компетенции ВСНП на предмет проверки соответствия Конституции законодательных актов, принимаемых центральным и местными правительствами, предусмотрена открытая публикация всей деятельности СНП в сфере контроля и т.д. Сделав во второй половине 1990-х гг. ряд шагов по созданию системы контроля над бюджетом и финансами³⁴, с принятием данного Положения ВСНП и ПК ВСНП получили нормативную базу для осуществления контроля над исполнительной властью.

Развитие отдельных направлений в деятельности ВСНП иллюстрирует наличие немалых потенциальных возможностей китайского парламента. Вместе с тем, остаются проблемы “старения” депутатского корпуса ВСНП и СНП, особенно их постоянных комитетов, а также непропорционального представительства в этом органе различных социальных слоев, прежде всего, городских и сельских жителей³⁵.

Реформирование работы госорганов осуществляется комплексно. Вместе с тем, центр тяжести в современных условиях переместился на правительственно-административную реформу как наиболее “слабое место” в системе управления. Работа ведется с опорой на соответствующие исследования, изучающие не только особенности китайских реалий в этой области, но и опыт других государств. Неразбериха в административной сфере имеет свои исторические корни и в значительной степени связана с неразвитостью административного законодательства. В 2008 г. началась 6-я по счету административная реформа за период 1978—2009 гг. Ее задача — качественное изменение деятельности правительства в направлении усиления его макроэкономических функций и доведение его функций до “правительства обслуживающего типа”. Идеи построения “правительства обслуживающего типа” и создания “больших министерств” близки к современным западным теориям в области реформирования систем управления³⁶. Особое место среди новых документов принадлежит Закону КНР об административных разрешениях, вступившему в силу с 1 июля 2004 г.³⁷ Закон предписывал значительное сокращение обязанностей административных органов за счет их объединения и передачи ряда полномочий на места и в другие ведомства, а также их сокращение на пути перераспределения функций органов Госсовета. В результате обозначились признаки оптимизации в работе правительства, сократились возможности злоупотреблений в работе чиновников. Проблема реформы правительства является долгосрочной. Современное развитие административных реформ закладывает необходимую основу для запланированного принятия к 2020 г. Административного кодекса, разработка которого осуществляется длительное время³⁸. Его принятие, по сути, завершит трудоемкую работу по формированию целостного комплекса отраслей права.

Возможность совершенствования деятельности Госсовета наглядно демонстрирует следующий факт: ранее соответствующие ведомства и учреждения Госсовета имели список из 3605 административных процедур проверок и утверждений. В результате последних четырех реформ (1993, 1998, 2003, 2008) было ликвидировано либо подвергнуто изменениям 1994 пункта из этого списка, что в общей сложности составляет 55, 3% от общего количества.

По мнению ряда китайских экспертов, главной задачей текущего периода является новое распределение и регулирование функций внутри правительства. Оно представляется следующим образом: функция принятия решений, функция исполнения решений, функция контроля над исполнением решений. Реформы в КНР на настоящий момент не предусматривают политического строительства на основе разделения законодательной, исполнительной и судебной властей, хотя западные системы тщательно изучаются. В комплексе законодательных инициатив изучаются и частично осуществляются меры по “открытию” информации о

деятельности правительства, внедряются разработки перевода работы правительства в электронный формат.

Тесно связана с административными реформами модернизация кадровой системы. Вплоть до недавнего времени формирование нормативной базы государственной службы основывалось на актах временного характера. Построение обновленной системы управления страной, в которой институт государственной службы играет если не ключевую, то достаточно важную роль, ознаменовалось не рядовым событием в развитии кадровой политики — принятием ПК ВСНП 27 апреля 2005 г. Закона о государственных служащих³⁹. Четко прописывается правовая ответственность госслужащих, нарушения в работе строго регламентируются. Закон вносит положения, имеющие значение для профилактики и пресечения явлений коррупции и злоупотреблений. Важное внимание уделено борьбе со злоупотреблениями в области кадровой политики, особенно при зачислении на службу, проведении экзаменов, в осуществлении ротации или перевода, прописывается ответственность за нарушения процедур при проведении экзаменов на замещение должностей (ст. 101). Закон продемонстрировал адекватную требованиям времени тенденцию открытости в механизме государственной службы.

Вместе с тем, он не затронул ряда принципиальных моментов. К примеру, “конкурентные выборы”, как и прежде, не распространяются на высокие руководящие посты, их крайняя граница обозначена должностью начальника департамента, управления и ниже (ст. 45).

После XVII съезда КПК наблюдается активизация преобразований в кадровой политике. В качестве большого успеха следует отметить сложившуюся к настоящему времени практику государственного контроля над доходами чиновников сверху донизу. Очевидно, что это направление может стать важным фактором в долгосрочной борьбе с коррупцией.

Принципиально новым явлением в процессе замещения высоких руководящих постов стал первый открытый набор на главные руководящие посты государственных предприятий централизованного управления. Был дан старт внедрению нового процесса — “открытого найма персонала на высокие руководящие посты государственных предприятий” на конкурсной основе. На 16 “особо важных” постов руководителей центральных предприятий претендовали 2745 человек, среди кандидатов 88 человек имели иностранное гражданство или работали за границей. Трудно переоценить значение этого события как “исторического прорыва” в сложившейся кадровой системе⁴⁰, переживавшей с начала века положительное развитие по ряду направлений: ротации, омоложения, демократизации при избрании и назначении кандидатур, совершенствования системы экзаменов, нормировании процессов и т.д.

Проводя аналогии с кадровой политикой КПСС и СССР, обратим внимание на шансы, которые не были использованы партийной и советской властью для оздоровления политического режима. На рубеже 1970—1980-х гг. высшая партийно-политическая элита СССР приобрела замкнутый и корпоративный характер, постепенно трансформировалась в своеобразную касту. Такими же чертами обладала и система подготовки партийных, профсоюзных, комсомольских кадров, дипломатических работников, имел место процесс “самовоспроизводства” номенклатуры⁴¹. Не наблюдалось решения проблемы ротации кадров на основе “омоложения”, политики открытости и внедрения демократических процедур при замещении руководящих должностей, что в настоящее время осуществляется в КНР. Сложность решения кадровых проблем в комплексе — нелегкая

задача и для современного Китая. Вместе с тем, совершенно очевидно, что партийно-политическая элита КНР ощущает дыхание времени и готова к переменам.

Один из результатов комплексного анализа политической составляющей процесса модернизации в Китае состоит в признании наличия специфической ситуации в системе управления. Мы ее характеризуем как сочетание усиления руководящей роли правящей партии с процессом активизации политического и государственного строительства, осуществляющимся вполне “автономно”, и чем дальше, тем больше, — на законодательной основе. При этом, важно подчеркнуть, что партия сама выступает инициатором усиления законодательного процесса и построения легитимной основы системы управления. Сама жизнь определяет области, где активное участие партии вполне целесообразно. Речь идет о сосредоточении усилий партии в области контроля над чиновниками, который в большей степени, чем прежде, охватывает государственную сферу. В опытном порядке, через совмещение должностей партийного секретаря и председателя постоянного комитета СНП провинциального уровня, доля партийного контроля распространяется над исполнительной властью. Таким образом, “слабые места” регулируются и по партийной, и по государственной линиям.

Весьма востребовано партийное влияние в воспитательной сфере. В этой связи вспоминаются слова Дэн Сяопина о том, что не столько важны политическая система и государственный строй, сколько нравственные качества людей, занимающих руководящие позиции. Новое поколение руководителей КНР во главе с Председателем КНР и Генеральным секретарем ЦК КПК Ху Цзиньтао особое значение придает проблемам нравственного характера.

На высшем уровне последовательность принятия решений государственного значения в принципе не меняется: от съезда партии — к сессии ВСНП, реализующей через систему государственных органов партийный курс в практику. Существенным признаком механизма принятия важных решений становится возросшая роль в этом процессе института многопартийного сотрудничества и политических консультаций (перед каждой сессией решения обсуждаются с представителями НПКСК). К этому процессу привлекаются также деятели науки, представители общественности.

Говоря о перспективах, можно обозначить развитие тенденции к созданию нормативной базы процесса “смены созывов” и усилению “коллективности руководства” как своего рода “замены” демократических процедур “воспроизводства власти” в многопартийных государствах.

Руководящие позиции Компартии Китая как института управления эволюционируют одновременно с активизацией государственного строительства. Многие решаются по ходу практики, поэтому трудно делать подробные прогнозы. Очевидно одно — новое развитие получают контрольные и воспитательные функции правящей партии и осуществляется размежевание с административными и хозяйствующими субъектами, что, по-видимому, востребовано обществом. На повестке дня партийной реформы остается задача выведения партии и различных форм ее влияния на государство в правовое поле, что непосредственно связывается с проблемой “наведения порядка” в сфере управления. Практика свидетельствует о долгосрочной перспективе подобного развития партийного строительства. “Юридизация” управленческой функции партии рассматривается в русле текущего этапа развития правового строительства, направленного на совершенствование системы СНП, развитие демократической формы “политического участия” демократических партий и беспартийных в управлении страной, правовое обеспечение

административной реформы, реорганизацию судебной системы, до сих пор формально и неформально тесно связанной с традиционными институтами.

Если отслеживать партийно-политические события в их историческом 60-летнем развитии извне, с позиции стороннего наблюдателя, то следует отметить поступательное развитие в политической сфере. Оно фиксируется многочисленными показателями, тесно связано с прогрессом в экономической, культурной и социальной областях, переплетается с началом формирования в КНР гражданского общества. Главный и конечный показатель политической составляющей процесса модернизации на сегодняшний день — усиление государственной мощи и рост материального благосостояния населения.

Говоря о перспективах политического развития, главное, что хотелось бы подчеркнуть, это действительное наличие в рамках существующей политической системы потенциальных возможностей дальнейшего развития ее субъектов и совершенствования политических процессов. Политическая система, как бы ее ни характеризовали (либеральной экономики и “мягкого авторитаризма”, “советского правления”, партийной диктатуры и т.д.) за 60 лет показала свою гибкость и возможность к совершенствованию.

Взгляд изнутри, что вполне естественно, больше фиксирует недостатки, чем достоинства, поскольку сконцентрирован не на сравнении исторических и политических реалий прошлого и настоящего, но на ситуации сегодняшнего дня. Человек, как правило, не обладает историческим сознанием и склонен думать о сегодняшнем дне. В этой связи нельзя закрывать глаза на реально существующие проблемы, усугубившиеся в период мирового кризиса. Достаточно сказать о явлениях коррупции, имущественной поляризации общества, проблемах занятости, стагнации доходов сельских жителей, проблемах мигрантов, неравномерности развития города и деревни, восточных и западных регионов, несовершенстве судебно-прокурорской системы, в деятельности которой до сих пор активное участие принимает партийный орган — Политико-юридическая комиссия ЦК КПК, и т.д.

Достаточно остро стоит проблема разделения властей — на государственных предприятиях и особенно в деревне. Размежевание компетенций партии и руководства производственных предприятий, партийного секретаря в деревне и деревенского старосты составляют очаги “конфликта интересов”. Как следует из современных публикаций китайских экспертов, вопросы находятся в процессе решения и согласования. Согласно постановлению ЦК КПК от 2006 г., сделан решительный шаг в регулировании функций партии на государственных предприятиях. Было запрещено совмещение постов партийного секретаря и директора завода.

Эффективное решение назревших проблем получает новые шансы в изменившихся условиях усиления открытости и расширения “свободы” информации, а также использования новых информационных технологий. Примером открытого обсуждения в китайском Интернете может служить документ группы интеллектуалов под названием “Хартия 08” от 10 декабря 2008 г., который содержит предложения по реформе политической системы⁴². Как бы ни оценивать его содержание (это может быть отдельной темой. — *Авт.*), является фактом возможность практически открытых дискуссий, активно влияющих на формирование нового менталитета в обществе.

Предпринятое нами фрагментарное сравнение политики КПК и КПСС в партийно-политической сфере, на наш взгляд, свидетельствует о многовариантности развития политических процессов в рамках основных контуров монопартийного государства с авторитарной формой правления.

В Китае овладение гуманитарными и демократическими ценностями идет по другому пути, нежели на Западе. На первом месте стоит борьба с бедностью, стабильность и гармония, нравственно-этические ценности, связанные с конфуцианством. На политическом уровне это выражается в отрицании конкурентной борьбы между партиями как главного показателя демократии. Напротив — изучаются возможности развития так называемой “совещательной демократии”⁴³, вкупе с некоторыми элементами либеральной демократии и республиканизма, прежде всего такими, как правление на основе конституции и закона.

1. Гудошников Л.М., Емельянова Т.М., Степанова Г.А. Эволюция политической системы // КНР 55 лет: Политика, экономика, культура. М., 2004. С. 83.
2. Муравьев П.Е. Государственное устройство Китая // Китай. История, экономика, культура: Героическая борьба за национальную независимость. М.; Л., 1940. С. 239—247.
3. Образование Китайской Народной Республики: Документы и материалы. М., 1950. С. 34—35, 60.
4. Там же. С. 21—23; См. также: Гудошников Л.М., Емельянова Т.М., Степанова Г.А. Указ. соч. С. 84—85.
5. Хан Даюань. Законодательная реформа в Китае и изменения в Конституции // Проблемы развития государства и общества в России и Китае после 1990 года: Материалы российско-китайского симпозиума. М., 2006. С. 22—26. Ян Фэнчэн. Эволюция идей КПК: от “законности” к “управлению государством на основе закона” // Там же. С. 50—52.
6. Гудошников Л.М. Китай // История государства и права зарубежных стран. Т. 2. Современная эпоха. 3-е изд. М., 2005. С. 748, 751.
7. Лю Шаоци. Политический отчет ЦК КПК VIII Всекитайскому съезду партии, 15 сент. 1956 г. Пекин, 1956. С. 78—79.
8. См.: Гудошников Л.М. Становление и модернизация правовых институтов // Китай на пути модернизации и реформ, 1949—1999. М., 1999. С. 416—417.
9. Дэн Сяопин. Перестройка системы руководства партии и государства (18 авг. 1980 г.) // Дэн Сяопин. Избранное. Т. 2. С. 415—417.
10. Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. М., 1956. С. 21, 65.
11. Федоров И.В., Зубаков В.Г. Членство в КПК. М., 1980. С. 11.
12. Гоцзя чжиду цзяньше [Строительство государственной системы]. Пекин, 2003. С. 2—4.
13. Ху Аньган. Диэрци чжуаньсин: цун цзиньцзи цзяньше вэй чжунсинь дао чжиду цзяньше вэй чжунсинь [Второй поворот: от экономического строительства в качестве центрального звена до строительства системы в качестве центрального звена] // Гоцзя чжиду цзяньше [Строительство государственной системы]. Пекин, 2003. С. 2—4. Holbig H. Chinas neue Regierung zur Sicherung politischer Legimitaet nach dem X. Nationalen Volkskongress // China aktuell. 2003. N 3. S. 314.
14. См. подробно: Соколов А.К., Тяжелыникова В.С. Курс советской истории, 1941—1991. М., 1999.
15. Дэн Сяопин. Избранное. Т. 1 (1938—1965). Пекин, 1995. С. 328.
16. Дэн Сяопин. Избранное. Т. 2 (1975—1982). Пекин, 1995. С. 183—185.
17. Там же. С. 291—292, 301—302, 317; Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. М., 1956. С. 123.
18. Гудошников Л.М. Китай // История государства и права зарубежных стран: Учеб. для вузов. Т. 2. М., 2005. С. 465—466.
19. Степанова Г.А. История формирования парткомов провинциального уровня и их роль в политической системе КНР (1966—1977). М., 1980. С. 85.

20. *Пихоя Р.Г., Соколов А.К.* История современной России: Кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России. Конец 1970-х — 1991 гг. М., 2008. С. 27—28.
21. Там же. С. 81.
22. Там же. С. 79.
23. Подробно см.: *Мамаева Н.Л.* Партия и власть: Компартия Китая и проблема реформы политической системы. С. 50—52.
24. *Делюсин Л.П.* Введение // Реформа политической системы: Реферат. журн. ИНИОН АН СССР. М., 1991. С. 21—22.
25. Краткая история КПК. Пекин, 1992. С. 975—977.
26. *Беляков А.* Борьба с коррупцией в Китае: усилия властей и реальная ситуация // ПБЛ. 2006. N 5. С. 35.
27. Подробнее см.: *Мамаева Н.Л.* Партия и власть: Компартия Китая и проблема реформы политической системы. М., 2007. С. 72—138.
28. China aktuell. 2000. N 5. S. 507.
29. Данчжэн линдао ганьбу сюаньба жэньюн гунцзо тьоли [Положение о работе по подбору и назначению на должности руководящих кадровых работников партийных и государственных органов]. Пекин, 2002.
30. Жэньминь жибао. 2002. 25, 29 июля; Синьхуа. 2002. 22, 28 июля.
31. “Жэньминь жибао” он-лайн. 15.01.2001.
32. *Чжу Гуанлэй, Чжоу Чжэнчжао.* Данчжэн гуаньси гуйфаньхуа яньцзю [Упорядочение отношений партии и правительства] // Чжэнчжисюэ. 2005, N 2. С. 4—5. *Линь Шанли.* Данчжэн гуаньси цзяньшэда чжиду аньпай [Системное решение строительства отношений партии и правительства] // Сюси шибао. 2002. N 5.
33. См.: Закон об осуществлении контроля постоянными комитетами собраний народных представителей всех уровней Китайской Народной Республики // Новое законодательство Китайской Народной Республики. — Экспресс-информация. Ин-т Дальнего Востока РАН. М., 2009. С. 72—83.
34. *Holbig H.* Loyale Ambitionen: Die Jahrestagung des Nationalen Volkskongresses // China aktuell. 2001. N 3. S. 284—288; *Чжао Цзяньминь, Чжан Чуньсян.* Отношения ВСНП с партией и правительством и перспективы демократии в континентальном Китае // Чжунго далу яньцзю. 2000. Vol. 43, N 2. С. 1—12. *Ху Аньган.* Диэрцы чжуаньсин: цун цзиньцзи цзяньше вэй чжунсинь дао чжиду цзяньше вэй чжунсинь С. 15—19.
35. *Чжао Цзяньминь, Чжан Чуньсян.* Отношения ВСНП с партией и правительством и перспективы демократии в континентальном Китае // Чжунго далу яньцзю. 2000. Vol. 43, N 2. С. 1—4. *Ху Аньган.* Диэрцы чжуаньсин: цун цзиньцзи цзяньше вэй чжунсинь дао чжиду цзяньше вэй чжунсинь С. 13—17.
36. *Ершов А.В.* Роль административных реформ КНР в контексте политики реформ и открытости // 30 лет реформ в КНР: опыт, проблемы, уроки. Тез. докл. XVII Межд. науч. конф. “Китай. Китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы” (М., 22—24 окт. 2008 г.). М., 2008. Ч. 2. С. 45—46.
37. Синьхуа. 2004. 29 июля.
38. *Jen-Kai Liu.* Eine neue Runde der Strukturreform des Staatsrats // China aktuell. 2008. N 2. S. 151—152.
39. Жэньминь жибао. 2005. 11 марта. Фацжи жибао. 2005. 26, 28 апр.
40. http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2009-02/27/content_201337.htm.
41. *Соколов А.К., Тяжельникова В.С.* Курс советской истории. 1941—1991. С. 295.
42. <http://news.boxun.com/news/gb/china/2009/01/200901220011.shtml>.
43. См.: *Бергер Я.* Перспективы политической реформы в современном Китае // Отечественные записки. 2008. N 42(3). С. 18.